

Архивный след

Прерванная молитва

Наверное, самому Богу было угодно, чтобы эта красивейшая церковь на побережье Ладоги сохранилась до наших дней. Её миновала печальная участь многих православных храмов, разрушенных в годы рьяного строительства атеистического государства. Она выстояла и в военные сороковые годы под непрекращающимися артиллерийскими обстрелами и бомбовыми ударами врага. Лишенная крестов, поруганная и всеми забытая, церковь гордо стоит на всеволожской земле, дожидаясь своего счастливого часа — когда прикоснется к ней бережная рука реставратора и вновь огласит ее стены прерванная православная молитва.



Хрустальные осколки

«Церковь каменная с такового же при ней колокольню... сооружена... в 50 тысяч рублей собственными средствами потомственных почетных граждан Петра Ивановича Глазова и его супруги Ольги Александровны Глазовой — в 1904 году 25 июля была заложена», — свидетельствуют «Клировые ведомости» Петербургской Духовной консистории.

Архивной записью по настоящему реестру № 195/1903 начинается дело «об утверждении проекта на постройку церкви в дер. Морье Шлиссельбургского уезда». Третьего ноября на стол № 1 первой экспедиции Строительного отделения Санкт-Петербургского губернского правления легло письмо Духовной консистории с просьбой рассмотреть проект новой церкви.

Я не отрываясь читала документы столетней давности, не веря глазам своим, и мысленно возносила слова благодарности архивному делу, которое помогло распутать клубок истории, начавшейся для меня со случайной поездки в деревню Морье.

Какой была эта полуразрушенная церковь в её лучшие годы? Какие священники служили там? Велик ли был приход? Кто построил храм у Ладоги? — В поисках ответа на эти вопросы пришлось опросить немногочисленных старожилов деревни, посидеть в библиотеках, порыться в Интернете. Поиск не дал практически никаких результатов — оставалась последняя надежда на Центральный исторический архив Санкт-Петербурга. В картотеке меня ждал настоящий сюрприз, но для того, чтобы вожденные документы попали в руки, нужно было запастись терпением.

То, что я увидела, стоило и многомесячных поисков, и трехдневной пытки ожидания: выполненный черной тушью на матовой кальке чертёж Морьенской церкви подтвердил все мои лучшие предположения — она была

настоящей красавицей.

Сохранился в бумагах и подробный расчет крестового свода, сильно разрушенного в советское время направленным взрывом. Как поэму читала я далеко не поэтический текст пояснительной записки: «Крестовый свод образуется из 2-х пересекающихся под прямым углом цилиндрических сводов, треугольные отрезки которых опираются на стены перекрываемого помещения в угловых точках. В этих точках крестовый свод передает все свое вертикальное давление и горизонтальный распор на стены здания. Проектируемый для церкви свод состоит из железо-бетона. Бетон состоит из мелкого гранитного щебня..., смешанного с цементным раствором 1:3: одного объема щебня на 0,625 объемов раствора...»

Насколько пострадал свод после взрыва, судить не берусь по двум причинам. Во-первых, экспертное заключение могут сделать только специалисты. Во-вторых, необходимо еще получить разрешение на обследование — с 1938 года храм преподобного Петра Афонского и Святой княгини Ольги находится в ведении Министерства обороны, на закрытой территории военного полигона, и используется как подсобное помещение.

По воспоминаниям старожилов деревни Морье, на двух куполах церкви некогда красовались металлические кресты, отделанные крупными кристаллами горного хрусталя. Под большим куполом в 50-е годы находилась радиостанция «Пилот». Замполит, имя которого история не сохранила, решил, что над советской станцией не должен стоять крест, и распорядился взорвать его. Говорят, что за такую самодетельность политрука понизили в должности, ведь сверкающие кресты служили навигационным целям, указывая путь кораблям.

Второй крест упал на купол во время одной из сильнейших бурь на Ладожском озере — осколки горного хрусталя брызнули, переливаясь всеми цветами радуги, на землю. Вскоре после этого произошли сразу два тра-

гола мальчику глаз, именно с той стороны, что и на иконе, изуродованной его отцом».

К сожалению, почти не осталось людей, которые ходили в эту церковь, из памяти старожилов стерлись многие важные для исследователя детали, но общая картина всегда складывается из незначительных, на первый взгляд, мелочей, поэтому автор выражает благодарность всем, кто помог воссоздать по крохам историю храма у Ладоги.

Сын архитектора, отец музыканта

Созидание и разрушение — антиподы, сопровождающие всю историю человечества. Особенно наглядно проявляется противоборство этих процессов в архитектуре. Ее монументальные формы, созданные и от природных стихий, и от варварства, и от неумного желания каких-нибудь деятелей использовать произведение искусства в утилитарных целях.

Думал ли А.В. Кенель, автор проекта церкви в деревне Морье, что его детищу уготована столь печальная участь — на десятилетия стать складом для старой гарнизонной мебели?

Сын академика архитектуры В.А. Кенеля, Александр Васильевич Кенель пошел по стопам своего отца. Выпускник Императорского училища правоведения, он много и очень плодотворно работал в области градостроения.

Действительный статский советник А.В. Кенель был гражданским инженером, преподавал в институте гражданских инженеров Императора Николая I, числился архитектором Императорского училища правоведения и Петроградского арсенала, служил в Городской управе, вел постройку сооружений в Морском порту.

Список известных зданий в Санкт-Петербурге, к строительству или перестройке которых А.В. Кенель был лично причастен, внушительен: доходный дом на Большом проспекте Петроградской стороны, Ночлежный дом им. Э. Лубе, здание Александро-Мариинского детского приюта И. Базилевского на Большом Сампсониевском проспекте, служебные строения Невского стеаринового завода на проспекте Обуховской Обороны, доходный дом на Лиговском проспекте, доходный дом А. А. Хабловской на ул. Жуковского, 59, здание мыловаренного завода на проспек-

те Обуховской Обороны, доходный дом Второго российского страхового общества на Гороховой улице, здание Городской Думы на Думской улице.

А.В. Кенель прожил недолгую жизнь, всего 49 лет, и умер от паралича в марте 1918 года. Покойится он на семейном захоронении Никольского кладбища Александро-Невской лавры вместе со своими родителями. Супруга пережила его надолго и умерла в 1942 году в блокаду.

Единственный их сын, Александр Александрович, родился в 1898 г., окончил юридический факультет Петроградского университета и два факультета (фортепиано и композиции) Московской государственной консерватории им. П. Чайковского. Виртуозный пианист и замечательный композитор, он заведовал музыкальной частью театра «Сатирикон». 14 июня 1927 г. участник масонского кружка Тайфалина А.А. Кенель был арестован по «делу Святого Грааля» и приговорен к трем годам концлагеря. Находился в заключении на Соловках, где написал музыку к «Соловецкому гимну».

В историю он вошел как композитор, ученый, исследователь фольклора, создатель первой хакасской национальной оперы «Чанар Хус», педагог, оказавший большое влияние на музыкантов Хакасии.

О страданиях и музыкальной славе своего сына архитектор А.В. Кенель уже не узнал, а тот умер далеко от родины, возможно, так никогда и не увидев одного из самых замечательных творений отца — церковь в деревне Морье у Ладожского озера.

Храм наг Ладогой

В 1905 году гражданский инженер А.В. Кенель сообщил в Строительное отделение Санкт-Петербургского правления об окончании строительства церкви в Морье и пригласил специалистов осмотреть её «для удостоверения прочности и правильности постройки». Его коллега Пономарев, на поездку которого в прогоне до деревни Морье было уплачено 9 руб. 63 коп., в своем рапорте начальству от 13 сентября 1905 года сообщил: «Препятствий к освящению не встречается».

Освящение однопрестольной церкви «в честь святого преподобного Петра Афонского и святыя княгини Ольги Российской», что в селе Морье Рябовской волости Шлиссельбургского



Семейное захоронение Кенелей на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.